

Вэньжэнь Юэ не понимал, отчего выражение лица Лэ Уя вдруг сделалось таким сложным и запутанным.

Да и времени на размышления у него не осталось.

Тихонько покашляв, Вэньжэнь Юэ стал выглядеть еще более хрупким, а его полупрозрачный силуэт начал стремительно таять.

Лэ Уя почувствовал это неладное движение и резко вытянул руку, перехватив его за локоть.

Еще мгновение назад Вэньжэнь Юэ умудрялся удерживать его самого на ногах, но за этот ничтожно короткий промежуток времени он заметно ослабел.

Если так пойдет и дальше, не пройдет и пары вдохов, как он окончательно растворится в воздухе.

Самое странное, что стоило Лэ Уя прикоснуться к Вэньжэнь Юэ, как из самой глубины его собственного сердца поднялась волна ледящей, изнуряющей усталости, зато призрачный силуэт Вэньжэнь Юэ заметно уплотнился и обрел былую четкость.

Ощущая, как из него буквально по каплям утекают жизненные силы, Лэ Уя не только не разжал пальцы, но напротив, ухватился крепче и потащил чужую душу за собой к выходу.

— Быстро говори, где тут можно найти поблизости умирающего или только что преставившегося человека, и поживее, — коротко и по делу бросил Лэ Уя. — Ты ведь сейчас погибнешь.

Вэньжэнь Юэ так и не сумел до конца уловить его замысел:

— Моя смерть не имеет никакого значения, мне не жаль...

Лэ Уя даже слушать не стал эти высокопарные речи и бесцеремонно оборвал его:

— Если ты сдохнешь, что мне-то делать?

Вэньжэнь Юэ на мгновение растерялся, и в эту самую секунду Лэ Уя силой увлек его за собой на улицу.

Сейчас Лэ Уя не знал о Вэньжэнь Юэ абсолютно ничего, кроме его имени и фамилии.

Будь Вэньжэнь Юэ простым необразованным простолюдином, дело бы шло куда проще, но этот

парень умудрился оказаться государственным чиновником.

В суровом мире чиновничества совершенно неважно, насколько мелка твоя должность: стоит переступить порог управы, и ты тут же увязнешь в сотнях хитросплетений и тысячах интриг.

Если Вэньжэнь Юэ сейчас исчезнет навсегда, как прикажете выживать ему, незваному гостю из далекого прошлого, который отстал от жизни на целых четыре года?

Прямо сейчас Вэньжэнь Юэ находился на волосок от окончательной гибели, и единственным разумным выходом, который пришел в голову Лэ Уя, было отыскать тело какого-нибудь безнадежно больного бедолаги и силой впихнуть туда эту упрямую душу.

Убивать ради этого невинного человека он категорически не желал.

Сам Лэ Уя без лишних угрызений совести мог пойти на такое злодеяние, но Вэньжэнь Юэ оставался чистым и честным человеком, и негоже было портить ему карму чужой кровью.

Когда вся эта суматоха уляжется, ему еще нужно будет придумать способ, как вернуть законному владельцу его собственную плоть.

Лэ Уя быстро шел вперед, на ходу подгоняя спутника:

— Шевели мозгами, где может быть такое место? Похоронный амбар, тюремные застенки, старое кладбище...

Не успел он договорить, как поднял взгляд и заметил мелкого судебного писца, который как раз проходил мимо круглой лунной арки, неся в руках деревянный поднос с ворохом официальных бумаг. Лэ Уя тут же окликнул его:

— Эй ты, подойди сюда.

Писарь от неожиданности замер и медленно повернулся к нему лицом.

В бледном сиянии луны Лэ Уя без малейшего труда разглядел зеленые шнуры с инвентарными номерами, которыми были перевязаны свитки.

Это были материалы уголовных дел.

В тот же миг в его груди разлилась щемящая тоска, которая тут же сменилась ликующей радостью.

Он наконец-то стал видеть отчетливо и ясно.

Судебный писарь сделал пару ленивых шагов вперед и неохотно спросил:

— Господин уездный начальник, что вам угодно?

Лэ Уя ответил:

— Вели собрать людей, пусть готовят паланкин. Мы отправляемся в...

Лэ Уя слегка повернул голову, выразительно посмотрев на застывшего рядом Вэньжэнь Юэ, требуя немедленно назвать конечную точку пути.

Вэньжэнь Юэ, судя по всему, и сам уже вспомнил подходящее место, однако его голос при этом прозвучал как-то неестественно тихо и удрученно:

— Отправляемся в застенки южного района города.

Лэ Уя тут же уверенно и четко закончил распоряжение:

— ...в застенки южного района.

Писарь заметно опешил от такого приказа и недоуменно переспросил:

— Но ведь на дворе глухая ночь, зачем вам, почтенный, понадобилось ехать в такую глушь?

Лэ Уя внимательно оглядел его с ног до головы.

По тому, насколько развязно и вальяжно вел себя этот мелкий служащий, Лэ Уя мимоходом утвердился в двух вещах.

Во-первых, простые смертные не способны видеть стоящего рядом призрака Вэньжэнь Юэ.

Во-вторых, сам Вэньжэнь Юэ в этой управе не имел абсолютно никакого веса и авторитета.

Лэ Уя нашел это крайне странным.

Согласно законам империи, при назначении чиновников на места всегда строго соблюдалось правило территориального ограничения: уездный начальник никогда не мог получить

должность в своих родных краях. А вот на мелких служащих из канцелярий и стражников это правило не распространялось, так что все они, как правило, являлись коренными жителями и настоящими местными воротилами.

И пускай в народе говорили, что даже самому могучему пришлому дракону не совладать со здешней змеей, но хотя бы ради приличия они обязаны были соблюдать элементарные правила вежливости, разве нет?

Приказ уездного начальника уже был отдан, а этот мелкий служащий не только не сдвинулся с места, но и набрался наглости переспрашивать. Откуда только смелость взялась?

Лэ Уя сощурил лукавые глаза.

— Как ты меня только что назвал?

Писарь опешил и неуверенно повторил:

— Почтенный... начальник?

— А, — протянул Лэ Уя. — А я-то подумал, что это ты здесь мой почтенный начальник.

Канцелярские крысы лучше всех умели распознавать чужие эмоции и улавливать тончайшие перемены в чужом голосе, так что сочную дозу яда в словах господина этот служащий уловил моментально.

Он тут же согнулся в глубоком поклоне.

— Не гневайтесь, начальник, ничтожный раб прямо сейчас побежит готовить паланкин. Обождите немного.

На словах он изнывал от усердия, двигался шустро и действительно скрылся из виду легким бегом.

Однако Лэ Уя уже успел разглядеть скрытую суть вещей и повернулся к Вэньжэнь Юэ.

— Он ведь и не подумает нормально готовить тебе паланкин, верно?

Вэньжэнь Юэ лишь горько улыбнулся и покачал затянутой туманом головой.

Он уже далеко не первый день не мог заставить эту канцелярскую свору шевелить пальцами.

Хуже всего было то, что вели они себя безупречно вежливо: прямо в глаза соглашались со всеми его указаниями, клятвенно кивали, а стоило отвернуться — ищи ветра в поле.

Когда же из-за их лени дело оборачивалось крахом, и Вэньжэнь Юэ пытался призвать виновных к ответу, те лишь утирали пот, кланялись в пояс и покорно брали всю вину на себя. Тут же набегала остальная орава местной знати и принималась наперебой кудахтать, защищая своих, дескать, у каждого нашлись свои непреодолимые трудности и неотложные дела государственной важности. Выходило так, словно карая их, Вэньжэнь Юэ проявлял самодурство, не желая отличать верных слуг от предателей.

Вэньжэнь Юэ и наказывал их, и жаловал наградами, но толку от этого не было никакого.

Поняв, как обстоят дела, Лэ Уя не стал тратить лишних слов и напрямую потащил призрака к конюшням.

Пускай этот молодой уездный начальник не имел в управе никакого веса, но уж одну-то лошадь он имел полное право забрать без чужого спроса.

Пока Лэ Уя придирчиво выбирал коня, Вэньжэнь Юэ послушно замер поодаль, испуганно сжимая ладони.

— Ты... ты уверен, что знаешь, что делаешь?

Лэ Уя выбрал самую статную и красивую лошадь, после чего единым махом взлетел в седло. В этом движении сквозила утонченная легкость ученого и лихая удаль бывшего воина. Он привычным жестом натянул поводья, разворачивая коня, и ответил коротко и ясно:

— Не имею понятия. В общем, для начала силой впихну тебя обратно в плоть, а там видно будет.

С этими словами он протянул Вэньжэнь Юэ руку.

— Пойдем, названный брат Вэньжэнь, поищем для тебя дорогу к жизни.

Вэньжэнь Юэ посмотрел на него снизу вверх, на мгновение застыл в оцепенении, а затем послушно вложил свою ладонь в его руку.

Лунное сияние, подобно мелкой чистой соли, тонким ровным слоем укрывало землю.

Лэ Уя прямо на месте выписал себе подобие пропускной грамоты, после чего, усадив впереди себя готового вот-вот раствориться призрака, пустил коня вскачь сквозь безмолвную морозную ночь.

Ледяной зимний ветер отлично прочищал затуманенный разум.

Множество мыслей, которые он не успел обдумать в спешке, теперь бурным потоком лавиной катились на него вместе с ночными порывами.

Воспоминания, связанные с огромным количеством людей из прошлого, вскипали в его груди мощной волной, но Лэ Уя привычным усилием воли загонял их обратно в темноту.

Он слегка опустил взгляд. Одной рукой он уверенно держал поводья, а пальцами другой намертво прижимал ледяную ладонь Вэньжэнь Юэ к своему поясу.

Только так можно было гарантировать, что дух несчастного не развеется в ту же секунду.

Прямо сейчас Лэ Уя и сам отчаянно нуждался в том, чтобы рядом с ним находился хоть кто-то живой.

Пусть даже до сегодняшней ночи они знать не знали о существовании друг друга.

Помимо прочего, у Лэ Уя имелся собственный четкий расчет.

В том состоянии, в котором сейчас находился Вэньжэнь Юэ, он вполне мог попросту не дотянуть до застенок южного района.

Да и если дотянет, кто поручится, что его дух сумеет безболезненно прижиться в чужом теле?

Поэтому, пока этот парень окончательно не превратился в прах, Лэ Уя требовалось вытянуть из него как можно больше сведений о нынешнем мире.

Он спросил:

— Что это за место?

Вэньжэнь Юэ, словно прочитав его мысли, прекрасно понимал, что его собственная жизнь висит на волосок от гибели и оборваться может в любое мгновение. Он заговорил быстро, торопливо чеканя слова:

— Округ Ичжоу, уезд Наньтин.

Карту всей империи Великая Ю Лэ Уя знал так хорошо, словно она была выжжена на его подкорке, да и об этом крошечном уезде Наньтин он кое-что припоминал.

Городок лежал прямо на границе между землями Великой Ю и племенами Цзин. Сам по себе уезд не отличался богатством или плодородием почв, однако обладал исключительно выгодным географическим положением: через его земли пролегала важная водная артерия и высился огромный мост, у которого постоянно останавливались на ночлег караваны странствующих купцов.

Лэ Уя задал следующий вопрос:

— Сколько дворов числится в местной переписи?

— Десять ли. Всего одна тысяча сто дворов, а население составляет шесть тысяч четыреста душ.

— Сколько уголовных дел за последний месяц? Сколько гражданских?

— Уголовное — одно, гражданских — тридцать одно.

Задав еще несколько подобных вопросов, Лэ Уя окончательно уяснил для себя общую картину.

Вэньжэнь Юэ хоть и был истощен, но отвечал без запинки, четко реагируя на каждое слово.

Он действительно казался молодым, неопытным и даже слегка простоватым, но уж точно не был из тех недалеких чинуш, которые понятия не имеют, что творится у них под носом.

И вот тут как раз возникал закономерный вопрос.

Парню от силы исполнилось двадцать пять или двадцать шесть лет, а он уже умудрился занять должность седьмого ранга. Перед таким молодым талантом, очевидно, открывались безграничные перспективы, да и характер у него, судя по всему, был вполне сносный. Стоило этой местной канцелярской банде приложить хоть немного усилий, чтобы угодить начальнику, и в будущем, когда тот пойдет на повышение, они без особого труда могли бы обеспечить себе безбедное существование.

Однако, судя по тому, как развязно и небрежно вел себя тот писарь из судебного приказа, Вэньжэнь Юэ здесь вообще ни во что не ставили. К нему относились так, словно на этой должности его карьера раз и навсегда подошла к концу.

Почему же его так откровенно не жаловали?

Довольно быстро в голове Лэ Уя родилась единственная правдоподобная догадка:

— Ты ведь не через честные государственные экзамены в чиновники пробился, верно?

— ...Да.

Вэньжэнь Юэ на мгновение растерялся, не понимая, как Лэ Уя сумел так легко раскусить его.

Впрочем, он и впрямь был на редкость простодушен: что у него спрашивали, то он и выкладывал.

— Нынешнюю должность я получил через покупку чина.

— А до какого этапа успел дойти своими силами?

— Достиг звания гуньцзяньшэна*. На провинциальных экзаменах занял шестое место, став аюанем*.

Лэ Уя снова удивленно вскинул брови. Надо же, в таком юном возрасте — и уже успел получить степень цзюйжэня*?

ПП: Гуньцзяньшэн - это официальный статус, который дословно переводится как «студент-кандидат Императорской академии, рекомендованный округом». Это была промежуточная элитная ступень. Когда молодой человек успешно сдавал окружные экзамены и становился сиуцаем (ученым первого ранга), местное руководство могло порекомендовать лучших и самых перспективных выпускников для дальнейшего обучения в главной академии страны (Гоцзыцзянь) в столице. Человек получал статус цзяньшэна (слушателя академии). Ему больше не нужно было сдавать мелкие промежуточные тесты в своем уезде. Он получал полное государственное обеспечение, право учиться по лучшим книгам и, самое главное, официальный прямой допуск к следующей большой ступени — провинциальным экзаменам. Тот, кто справлялся, получал престижную учёную степень Цзюйжэнь, которая уже давала железное право претендовать на реальную чиновничью должность в империи.

Аюань - почетный титул за выдающийся результат на провинциальном экзамене: те, кто занимали места со 2-го по 6-е, коллективно именовались титулом Аюань, что можно перевести как «Второй лауреат» или «Вице-лауреат».

Он спросил:

— Так почему не продолжил сдавать экзамены дальше?

Вэньжэнь Юэ тихонько вздохнул и честно признался:

— В тот год, когда я сдал экзамен на степень цзюйжэня, мне исполнилось двадцать два. Но

случилось несчастье: тяжело заболела и покинула этот мир моя матушка. Из-за этого мне пришлось держать трехлетний траур, и за это время мои жизненные устремления сильно переменились.

— Сам по себе я человек посредственный и недалекий, к чиновничьей службе никогда особо не стремился. А после кончины матушки и вовсе потерял к этому всякий интерес. Мне хотелось лишь остаться подле отца и скрасить его старость.

Вэньжэнь Юэ опустил глаза, и в его взгляде промелькнула глубокая печаль:

— Мой отец из поколения в поколение занимался торговлей рисом. Семья наша скопила приличное состояние, и отец до последнего надеялся, что я сдам высшие экзамены, поступлю на государственную службу и прославлю наш род. В позапрошлом году в землях Цзяннани случилась страшная засуха, и отец пожертвовал половину нашего семейного имущества на спасение голодающих, помог землякам пережить эти тяжелые времена. Местный глава провинциальной администрации Цзян Кай высоко оценил благородство моего отца. Стоило ему немного подсобить, приложив руку к делу, как за пожертвование зерна казне мне тут же выделили место в списке кандидатов на должность.

Лэ Уя понимающе кивнул.

Теперь все сходилось.

Из-за отсутствия классического образования и сдачи высших экзаменов его презирали в чиновничьих кругах. Из-за купеческого происхождения его ни во что не ставили даже мелкие приказные служащие.

Неудивительно, что парень на каждом шагу натывался на глухую стену.

Но и здесь крылась какая-то странность.

Пускай уезд Наньтин и находился на самом краю империи, не отличаясь особым богатством, но за счет выгодного географического положения эта должность вовсе не считалась безнадежной или каторжной.

На такое теплое местечко обычно выстраивалась целая очередь из желающих, которые спали и видели, как бы его заполучить. С какой стати какому-то мелкому выпускнику академии, купившему чин, так быстро и безболезненно выделили реальную, живую должность?

Это дело мало относилось к их нынешнему положению, поэтому Лэ Уя просто сделал себе мысленную пометку на будущее и задал следующий вопрос:

— Есть ли у тебя жена, семья, близкие друзья или доверенные люди?

Парень устроил из своего самоубийства целое представление, скупив полный дом красных свечей, так почему же рядом не оказалось ни одной живой души, способной его остановить?

— Я еще не женат. Личный слуга раньше был, мы вместе с ним выросли. Но когда мы плыли на корабле к месту моей службы, он слишком засмотрелся на проплывающие пейзажи, не удержался на палубе и упал в воду...

Лэ Уя чуть крепче сжал его ладонь.

Лично для него, для Лэ Уя, тот факт, что этот парень остался без единой привязанности, без родных и близких, был как нельзя кстати.

Но вот для самого Вэньжэнь Юэ... сколько боли и сколько гнетущего одиночества ему пришлось пережить, знал, пожалуй, лишь он один.

Уверенно направляя коня одной рукой и слушая звонкий стук копыт по мостовой, Лэ Уя наконец задал самый главный вопрос:

— Зачем нам в тюрьму? В чье именно тело ты планируешь вселиться?

— В камере заперт один человек. Я точно знаю, что он доживает свои последние часы, — тихо отозвался Вэньжэнь Юэ.

Лэ Уя спросил:

— И кто он такой?

Вэньжэнь Юэ на мгновение задумался.

Лэ Уя решил, что тот просто собирается с мыслями, но шло время, а ответа так и не было.

Лэ Уя слегка толкнул его локтем в бок:

— Эй, ты там что, язык проглотил?

Вэньжэнь Юэ удивленно моргнул. Ему показалось, что этот незнакомец, так неожиданно занявший его собственную плоть, обладает весьма веселым и непринужденным нравом, да и по возрасту они, должно быть, были ровесниками.

Подумав об этом, он немного расслабился и перестал называть себя «ничтожным чиновником»:

— Этот человек оказался замешан в одном крупном деле, его обвиняют в государственной измене. Улики неопровержимы, и его престарелую матушку тоже бросили за решетку вместе с ним. Сам он слег от тяжелого недуга и сейчас находится на грани смерти. Но я глубоко убежден, что его оговорили. Я категорически не хотел подписывать и отправлять наверх готовые материалы дела, надеясь провести повторное, более тщательное расследование. Однако раз уж речь зашла о мятеже, дело приняло слишком серьезный оборот. Сам начальник округа лично приезжал сюда с проверками несколько раз, требуя от меня как можно скорее передать документы в столицу. Я не желал поступать наперекор собственной совести, но видеть, как этот несчастный умирает, а его мать страдает в застенках, было выше моих сил...

Из-за того, что его призрачный силуэт продолжал слабеть, голос Вэньжэнь Юэ звучал мягко и будто доносился из далекого тумана:

— Если честно, я и сам до конца не уверен, правильно ли поступил. Если я стану говорить слишком много, то лишь запутаю тебя своими мыслями, так что, пожалуй, на этом я и закончу свой рассказ.

Эти слова оказались для Лэ Уя полной неожиданностью.

В его голове зародилась одна совершенно дикая, не поддающаяся логике догадка.

Вэньжэнь Юэ не имел связей при дворе, его голос ничего не весил, и неужели он полез в петлю и написал прошение кровью лишь ради того, чтобы ценой собственной жизни достучаться до небес и спасти того заключенного?

Каким бы сомнительным ни было происхождение Вэньжэнь Юэ в чиновничьих кругах, сейчас он все же являлся назначенным двором чиновником.

Его собственная жизнь — вот и весь козырь, который он, помимо взяток, мог выставить на этой политической арене.

— Ты искал смерти, чтобы вымолить жизнь для какого-то преступника?

Вэньжэнь Юэ смутился.

Он и сам прекрасно понимал, насколько глупо это выглядело со стороны.

— Да... у меня просто не оставалось иного выхода. Я не сдавал высших экзаменов, в столице у меня нет ни наставников, ни друзей. За эти полгода на службе я ни с кем не успел сойтись ближе. Я писал доклады, подробно излагая суть дела начальнику округа, но мне их возвращали уже дважды. Я действительно исчерпал все средства, и единственное, что у меня оставалось — я сам.

Лэ Уя на мгновение потерял дар речи.

— Этот преступник... он твой друг?

— Вовсе нет, — отозвался Вэньжэнь Юэ. — Он здешний ученый, мы с ним не кровные родственники и даже толком не знакомы. Раньше всего пару раз мельком виделись. По возрасту мы с ним почти ровесники, он либо на пару лет старше меня, либо на пару лет младше.

Теперь Лэ Уя окончательно поверил, что они действительно едва знали друг друга.

— ...И ты готов был умереть ради него?

— Я их «отец и мать» — уездный судья. И я подумал, что если бы речь шла о настоящих родителях, они бы поступили точно так же. К чему тогда жалеть собственное тело?

Вэньжэнь Юэ на мгновение умолк и тихо добавил:

— Мы на месте.

Заметив, как в ночной тишине туманно проступили очертания тюрьмы южного района, Лэ Уя слегка натянул поводья и остановил коня.

Они наделали немало шума по дороге, и у главных ворот уже кто-то вовсю высунулся наружу, с любопытством разглядывая всадника.

Лэ Уя взмахнул широким рукавом, помогая ослабевшему Вэньжэнь Юэ сойти на землю:

— Иди первый.

Вэньжэнь Юэ ухватился за его рукав и, оказавшись на ногах, не спешил отпускать ткань.

Его лицо казалось прозрачным, как тонкая бумага, однако глаза при этом горели лихорадочным, чистым блеском.

— Премного благодарен тебе, господин. Что бы ни ждало меня впереди, спасибо, что согласился выслушать меня.

Лэ Уя высоко сидел в седле. Из-за того, что парень крепко держал его за рукав, ему пришлось слегка наклониться вперед и встретиться с ним взглядом.

Вэньжэнь Юэ смотрел на него снизу вверх с такой неистовой надеждой. Он взирал на этого чужого, бездомного призрака, который только что бесцеремонно занял его собственную плоть, без капли злобы, обиды или сожаления.

Он спросил:

— Смею ли я спросить, кем из великих и добродетельных мужей прошлого ты являешься?

Лэ Уя промолчал.

«Прости, парень, я действительно являюсь весьма знаменитым чиновником нашей империи.

Вот только в какой именно области лежит моя «слава», лучше умолчать».

Сказать ему правду в лицо у него не повернулся бы язык.

Вэньжэнь Юэ смотрел на него взглядом человека, у которого угасали последние мгновения жизни.

Лэ Уя ничего не смыслил в делах загробного мира и понятия не имел, сможет ли дух Вэньжэнь Юэ вообще выжить, если попытается вселиться в умирающего бедолагу.

Быть может, его самого, как захватчика, занявшего чужое гнездо, просто вышвырнет вон из этого тела, стоило истинному хозяину окончательно испустить дух.

Будущее обоих оставалось туманным и непредсказуемым.

А потому ему следовало оставить этому юноше хотя бы одно светлое, доброе воспоминание напоследок.

И Лэ Уя, даже не моргнув, спокойно солгал:

— Гу Цичжэнь, второе имя Хэнчжи.

Так звали блестящего выпускника — таньхуа*, занявшего третье место на высших экзаменах в эпоху правления покойного императора. Он дослужился до чина шуцзиши*, славился своим выдающимся талантом и безупречными добродетелями, но, к несчастью, небо оказалось к нему безжалостно, и он ушел из жизни совсем молодым.

ПП: Таньхуа — это почетный титул, который присуждался человеку, занявшему абсолютное третье место на финальных дворцовых экзаменах (Дяньши) в присутствии самого императора.

Шуцзиши — это престижная и очень высокая временная должность в Императорской академии Ханьлинь. Её можно перевести как «младший член Академии Ханьлинь».

Вэньжэнь Юэ отвесил ему глубокий, почтительный поклон и повернулся к дверям тюрьмы.

Лэ Уя соскользнул с седла на землю и поднял взгляд на ослепительно сиявшую в небесах луну.

«Да уж, дела мирские».

Стоило ему открыть глаза и его безжалостным пинком швырнули обратно в этот суетный, погрязший в грехах мир.

Лэ Уя вырос в роскоши и великолепии. И пускай он досконально знал все законы чиновничьего мира и читал чужие души как открытую книгу, ему никогда прежде не приходилось пробивать себе дорогу с самых низов.

Происхождение, заслуги на экзаменах, связи — все то, к чему в прошлой жизни Лэ Уя стоило лишь протянуть руку, у Вэньжэнь Юэ отсутствовало напрочь.

Подумав об этом, Лэ Уя слегка усмехнулся.

А ведь в этом есть свой азарт, разве нет?

Он поднял руку и коснулся шеи, под пальцами все еще отчетливо прощупывался вздувшийся багровый след от петли.

К счастью, парадное чиновничье платье сидело плотно, позволяя полностью скрыть эту метку от посторонних глаз.

В этот момент Лэ Уя мимоходом заметил, как дежурившие у ворот стражники обменялись вороватыми, скрытными взглядами.

Сделав вид, будто ничего не произошло, он уверенно зашагал им навстречу.

Один из тюремщиков, которому, по-видимому, уже успели передать весть о визите начальника, подобострастно улыбнулся и поспешил навстречу:

— Почтенный начальник, сколько же трудов на вашу долю выпало.

Лэ Уя совершенно естественно переспросил:

— А ты кто такой?

Мелких сошек в управе служило пруд пруди, и уездному судье вовсе не обязательно было помнить каждого в лицо, так что подобный вопрос ни у кого не вызвал бы подозрений.

Стражник и впрямь ничуть не обиделся. Он послушно склонился в поклоне:

— У нашего господина полно важных государственных дел, неудивительно, что вы позабыли о ничтожном рабе. Я здешний ночной смотритель, звать Чэнь Ван.

Лэ Уя кивнул, показывая, что принял к сведению.

Смотритель Чэнь аккуратно поинтересовался:

— Время-то уже позднее, если у вас, начальник, возникло какое неотложное дело, к чему было самому идти? Передали бы через писца Чжана, да и дело с концом.

Лэ Уя иронично хмыкнул:

— Что, мой приход тебя сильно потеснил?

Пока смотритель Чэнь судорожно пытался сообразить, скрывается ли в этих словах злая насмешка или же начальник просто не в духе, Лэ Уя выудил из-за пазухи кошель.

Перед тем как полезть в петлю, Вэньжэнь Юэ пребывал в таком смятении чувств, что даже не догадался вытряхнуть из карманов свои сбережения.

Лэ Уя нащупал внутри пару кусочков серебряного лома и небрежно подбросил их в воздух:

— Держи. Твой начальник пришел сюда исключительно ради того, чтобы угостить вас вином.

Смотритель перехватил серебро на лету и мгновенно определил вес. Охваченный радостью, он тут же позабыл о том, с каким надменным и чисто барским изяществом вел себя этот юнец:

— Премного благодарен за щедрость, начальник!

Какими бы скудными ни были позиции Вэньжэнь Юэ на службе, в одном он точно превосходил окружающих:

Его семья поколениями наживала богатство на торговле, так что деньжата у парня водились

всегда.

Раз уж деньги были получены, смотритель Чэнь перестал валять дурака и заискивающе спросил:

— Начальник, вы ведь снова пришли навестить того ученого Мина?

Лэ Уя небрежно взмахнул рукой:

— Сам все понимаешь, так чего стоишь и не ведешь меня?

Смотритель Чэнь расплылся в улыбке и принялся усердно кланяться:

— Прошу сюда, начальник!

Сделав несколько шагов, Лэ Уя заметил, что смотритель лишь указывает ему дорогу взмахом руки, а сам при этом топчется на месте. Наш герой проявил осторожность и, отойдя на полшага вперед, украдкой глянул назад через плечо.

Смотритель Чэнь как раз подавал тайный знак двум стоявшим у ворот стражникам.

И те без лишних слов поняли приказ своего начальника.

Когда Лэ Уя отошел вслед за смотрителем уже на добрый десяток шагов, он прикрыл глаза, чтобы обострить слух.

Из темноты за его спиной донесся торопливый, приглушенный стук шагов, который вскоре затих в ночи.

Один из тюремщиков самовольно покинул пост и помчался доносить кому-то весть.

Очевидно, что в чиновничьем мире никто не станет поддерживать тебя лишь за красивые монеты, здесь ценилась только реальная власть и покровители.

Сколько бы денег ни было у Вэньжэнь Юэ, это ничуть не мешало здешней своре преспокойно прикарманивать его серебро, игнорировать его приказы и со всех ног мчаться с доносом к своему истинному хозяину.

Впрочем, Лэ Уя вовсе не чувствовал по этому поводу ни обиды, ни разочарования.

Напротив, на душе у него стало на удивление спокойно:

Как бы ни менялись времена и лица, этот змеиный чиновничий мир оставался точно таким же гнилым, каким был и до его смерти.

Прямо как дома побывал.

<http://bllate.org/book/18193/1749700>